

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-201-211

А. А. Санжеников

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sanzhenakov@gmail.com

О ВЛИЯНИИ АНТИЧНОГО ТЕАТРА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ *

Рассматривается обоснованность использования понятия «общественное мнение» по отношению к древнегреческому обществу, а также возможность античного театра выступать инструментом влияния на общественное мнение. Сначала рассматривается генезис исследуемого понятия от его появления в XII в. до его концептуализации в XIX в. Отмечается, что структурирующими элементами общественного мнения являются единый источник информации и общее поле коммуникации. Настоящее понимание общественного мнения не может быть приравнено к греческому понятию «мнение большинства». Поэтому в поисках античного аналога общественного мнения вместо прямого терминологического перенесения был использован метод выявления структурных элементов. Показано, что в рамках отдельного полиса существовало достаточно публичных площадок для коммуникации, а в силу ограниченной территории не было нужды в специальных средствах информации. Театр наравне с поэзией и музыкой был сильным средством воздействия, заставляя зрителей задуматься о самых актуальных социально-политических вопросах.

Ключевые слова: античный театр, общественное мнение, коммуникация, воспитание, образование, Исократ, Эсхил, Софокл, Еврипид.

Считается, что древнегреческая цивилизация была родоначальницей многих современных системообразующих институтов. Поэтому велик соблазн отыскать корни окружающих нас сегодня социальных и политических явлений в истории Древней Греции. Таких попыток предпринималось великое множество. Одной из таковых является книга известной французской исследовательницы Коринны

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-36-01006. «Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены»).

Куле «СМИ в Древней Греции»¹, посвященная комплексному рассмотрению феномена коммуникации на материале древнегреческой истории. Несмотря на то, что понятие «коммуникация» является современным и в значении «обмена информацией» было сформировано лишь в XX в., автор убеждена, что «оно способно стать орудием анализа более древних цивилизаций» [2004. С. 7]. В ходе этого анализа Куле обращается к роли античного театра в системе обмена информацией в античном полисе. Здесь она выдвигает интересные гипотезы. В частности, предлагается рассматривать античный театр как пространство рефлексии относительно актуальных социально-политических проблем. По ее выражению, «полис выходил на сцену» и «подвергал себя расследованию» [Там же. С. 68, 69]. Иначе говоря, те вопросы, которые волновали жителей полиса, обыгрывались на сцене в художественной форме. Куле приводит следующий пример: «Орест в трилогии Эсхила, посвященной Атридам, убивает свою мать Клитемнестру и ее любовника за то, что они убили его отца Агамемнона по возвращении из Трои. По древнему праву, которое придерживалось исключительно фактов, он заслуживает смерти, потому что убил, и притом собственную мать. Но древнему праву в трилогии противостоит суд Афины, в контексте полисных институтов соответствующий Ареопагу, суду, которому подлежали кровавые преступления, реформированному непосредственно перед написанием “Орестей”. Этот суд после долгих прений оправдывает Ореста, поскольку принимает во внимание уже не просто факты, а обстоятельства убийства. Тем самым на общедоступную сцену выводился настоящий спор о самой сути общественных институтов» [Там же. С. 68–69]. Если предположение К. Куле имеет под собой основания, и античный театр был не столько местом развлечения, сколько пространством рефлексии, то мы можем сделать еще один шаг и предположить, что театр, будучи явлением массовым, был еще и инструментом, оказывающим влияние на общественное мнение.

Однако с применением понятия «общественное мнение» возникают те же самые трудности, что и с применением понятия «коммуникация». Прежде всего, что мы понимаем под общественным мнением? Затем, можем ли мы с уверенностью утверждать, что общественное мнение так, как мы его понимаем сейчас существовало в древне-

¹ Справедливости ради следует отметить, что в оригинале название звучит несколько менее анахронично – «Communiquer en Grèce Ancienne». Французское «communiquer» переводится как *сообщать, передавать* (гл.) или *сообщение* (сущ.) и подразумевает передачу информации или в более широком смысле слова передачу чувств, идей, настроений и т. д.

греческом обществе? Если да, то каков был механизм воздействия театральных постановок на общественное мнение? На эти вопросы мы постараемся ответить в нашей статье.

Считается, что сам термин «общественное мнение» был введен в XII в. английским богословом и писателем Иоанном Солсберийским в книге «Поликратик, или О забавах придворных и заветах философов» (ок. 1159 г.). Поскольку это сочинение было посвящено нормативному описанию государственного и общественного устройства и правителя государства, постольку понятие «общественное мнение» изначально было связано с политическим контекстом. Однако современный смысл это понятие начинает обретать лишь в начале XIX в. Так, в работе французского социолога Г. Тарда «Общественное мнение и толпа» (1901 г.) проводится различие *публики* и *толпы* по принципу объединения. В то время как толпа – это общность, в которой люди вступают в непосредственный контакт, который обеспечивается близким территориальным расположением, публика представляет собой «группу индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [2015. С. 1]. Именно такая группа людей, разделенных физически, но имеющих общность убеждений, становится носителем общественного мнения. Хотя «эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышат друг друга; они рассеяны по обширной территории, сидят у себя по домам, читая одну и ту же газету. Какая же связь существует между ними? Эта связь состоит в одновременности их убеждения или увлечения, в сознании, проникающем каждого, что эта идея или это желание разделяется в данный момент огромным количеством других людей» [Там же. С. 3]. Важно отметить, что решающую роль в этом объединении играет общий источник информации (в данном случае газета, позже радио, телевидение, Интернет). Впрочем, по замечанию Тарда, читатель абсолютно не догадывается о степени влияния газеты на него, и даже не самой газеты, а массы других читателей, поскольку журналист в конечном счете всегда учитывает их вкусы. Таким образом, живой интерес к свежим новостям объясняется «бессознательной иллюзией общности» [Там же. С. 4]. По мнению Г. Тарда, публика как особый тип объединения людей возникает не раньше начала широкого книгопечатания в XVI в., и ни греческий язык, ни латинский язык не обнаруживают аналогов слову «публика». Дальнейшая концептуализация понятия «общественное мнение» проводилась в работах У. Липпмана [2004], Э. Ноэль-Нойман [1996], Г. Чайлдса, Ю. Хабермаса, И. Бентама, Дж. Цаллера и др.

Помимо общего источника информации, большое значение для развития и становления общественного мнения имеют места общественного скопления – «социальные реки», как их живописно называет Г. Тард. В XVIII в. эту роль выполняли публичные библиотеки, а еще ранее кафе, распространившиеся с середины XVII в., двери которых были открыты для представителей всех слоев общества, и по этой причине кафе стали символом равенства и народовластия. Значительная роль этих заведений также объясняется их широким распространением. Достаточно сказать, что в 1739 г. только в Лондоне насчитывалось 551 кафе, куда заходили для обсуждения политики, чтения свежих газет, причем как проправительственных, так и оппозиционных. Не будет большим преувеличением сказать, что лондонские кафе в первой половине XVIII в. стали местом сосредоточения английской свободы. Однако постепенно они разделили эту роль с джентльменскими клубами, влияние которых достигает максимума в конце XIX в.

Завершая этот исторический обзор, еще раз отметим самые основные концептуальные моменты. С одной стороны, наиважнейшим фактором формирования общественного мнения являются средства информации (газеты, книги, радио и т. д.), которые выражают не столько точку зрения автора и редакции, сколько услужливо подставляют «зеркало» своему читателю. С другой стороны, не меньшую роль в этом становлении сыграли публичные площадки (кафе, клубы, библиотеки и т. д.), где можно было обсудить актуальные политические вопросы. Так, Ю. Хабермас выделяет три главных качества публичной сферы: 1) всеобщий доступ; 2) возможность ведения рациональных дебатов в ее рамках; 3) игнорирование статусных различий.

Определившись с тем, что понимается под общественным мнением, мы можем обратиться к древнегреческому обществу в поисках его аналогов. Что касается терминологического аналога, то таковым является прямой перевод – «мнение большинства» (ἡ τῶν πολλῶν δόξα). Однако эта дословная калька несет в себе несколько иной смысл. Так, в «Панафинейской речи» Исократ противопоставляет «мнение большинства» и доброе мнение немногих, «пытающихся установить истину» [2013. С. 278]. Критон в одноименном диалоге Платона увещевает Сократа: «Но ведь ты уже видишь, Сократ, что необходимо также заботиться и о мнении большинства. Теперь-то оно ясно, что большинство способно причинять не какое-нибудь маленькое, а пожалуй что и величайшее зло тому, кто перед ним оклеветан» [Платон, 1990. С. 99]. На это Сократ отвечает, что большинство не способно причинить ни благо, ни зло (в силу того, что оно не может сделать человека

ни разумным, ни неразумным), оно лишь «делает что попало». Таким образом, мнение большинства здесь понимается как неразборчивая слава или пустопорожняя молва, заботиться о которой человек приличный не должен. Поэтому прямое терминологическое перенесение в нашей статье применять не следует.

В поисках аналога понятия «общественное мнение» в древнегреческом обществе, нам прежде всего надо ограничить локацию до уровня одного полиса. В самом деле, бессмысленно вести речь об общественном мнении в Древней Греции в целом, поскольку средства коммуникации того времени не позволяли охватить всю Грецию и быстро продуцировать единое информационное поле. Однако если речь идет об отдельном полисе, то вопрос становится осмысленным. Как отмечает А. И. Зайцев, в силу ограниченной территории и относительно небольшого числа обитателей полиса его граждане в большинстве своем могли знать друг друга [2001. С. 162]. Если же речь идет о таком полисе, как Афины времен его расцвета, то ответ скорее положительный, чем отрицательный. Именно здесь мы находим места, в которых активно обсуждались актуальные социально-политические вопросы.

В Древней Греции зарождается особый тип существования – βίος πολιτικός. «Теперь каждый в определенной мере принадлежит двум порядкам, собственное (ἴδιον) и всеобщее (κοινόν) в жизни гражданина четко отделены друг от друга. Человек не только “идиот”, но и “полит”. Теперь наряду с профессиональной компетентностью ему нужна общая гражданская добродетель, πολιτικὴ ἀρετή, делающая его способным к единодушному и сознательному сотрудничеству с другими в одном и том же жизненном пространстве полиса» [Йегер, 2001. С. 148]. Это вовлечение человека в общее, *койноническое* пространство не могло произойти без формирования специальных дискурсивных практик, в которых оформлялись отношения и суждения политического характера. Самым известным пространством, где происходили подобные процессы, было народное собрание (ἐκκλησία), в котором мог принимать участие любой гражданин, достигший 20-летнего возраста. Постановления народного собрания публиковались на агоре (писались краской на специальных выбеленных деревянных досках в рост человека – кирбах) [Блаватский, 1973. С. 80]. Другим общественным местом был пританей (πρυτανεῖον), где помещались должностные лица города – пританы. Еще стоит упомянуть булевтерий, где заседали члены городского совета, называемого буле (βουλή). Наконец, не следует забывать о гимнасиях, где юноши не только занимались физическими упражнениями, но и вели дискуссии со сверстниками.

Таким образом, «центров» формирования общественного мнения в древнегреческих полисах было предостаточно, а относительно небольшая территория позволяла поддерживать коммуникацию без специальных средств информации. Давайте теперь зададимся вопросом, какую роль играл театр в становлении и корректировке этого общественного мнения? Прежде чем ответить на этот вопрос, поставим более общую проблему, как вообще греки относились к той идее, что искусство влияет на человека, его образ мыслей? Все говорит в пользу того, что эта идея не была чужда им. Поэзия и музыка по общему признанию того времени считались истинными наставниками человека. Начать следует с особого отношения к Гомеру и Гесиоду как учителям жизни. Поэтому только что появившаяся философия видела в поэзии главного соперника в борьбе за внимание слушателей и читателей, что итоге вынудило ее создавать новые литературные жанры, новый язык ². Ксенафан Колофонский, Гераклит Эфесский, Платон – все они порицали поэтов и призывали изгнать их из государства, только чтобы уменьшить колоссальное влияние поэтического логоса. Что касается музыки, то об этом достаточно сказано Платоном и Аристотелем. Платон считал музыку настолько же превосходным методом воспитания души, насколько гимнастика является таковым для тела. Воспитательная сила музыки кроется в том действии ³, которое она оказывает на душу слушателя, вызывая в ней либо покой (ионийский и лидийский лады), либо возбуждение (дорийский и фригийский лады). Эта связь музыки и душевного состояния слушателей, по мнению Платона, настолько глубока, что выходит далеко за рамки частных проявлений и распространяется на уровень социально-политический, поэтому «стили музыки не изменяются без больших [изменений] политических законов» ⁴ (*Resp.* 424c). Вслед за пифагорейцами, музыкальный строй рассматривается Платоном

² Подробнее см.: [Васильева, 2008. С. 28–33].

³ Это действие в свою очередь имеет место в силу того, что звук, а вместе с ним и гармония транслируются без значительных изменений от их источника к слушателю, тем самым как бы передавая ритм в душу человека. Ср. у Северина Боэция: «Консонанс, который управляет всей гармонией музыки, не может возникнуть без звучания, звучание же не производится без какого-либо толчка или удара, толчок же, а также удар, не могут осуществиться, если им не будет предшествовать движение. Ведь если бы существовала всеобщая неподвижность, то одно с другим не могло бы соединиться, потому что одно приводится в движение другим, а при общей статике и отсутствии движения не может возникнуть никакое звучание. Поэтому звук определяется [как] удар воздуха, не исчезающий вплоть до самого слушания» [2010. С. 321].

⁴ Пер. по: [Герцман, 2010. С. 450].

как прообраз или модель для душевного расположения: «...в этом главнейшее воспитательное значение мусического искусства: оно всего более проникает в глубь души и всего сильнее ее затрагивает; ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если кто правильно воспитан, если же нет, то наоборот» [Платон, 1994. С. 168]. Здесь и далее Платон обращает наше внимание на то, что музыка как воспитательный инструмент должна ложиться на уже благодатную почву, иначе она скорее навредит.

Схожих взглядов на роль музыки придерживался Аристотель. Как и его учитель, Аристотель обращает внимание на разнообразие музыкальных ладов и делает из этого вывод, что музыка используется для разных целей. «Ввиду того что мы принимаем то подразделение мелодии, какое установлено некоторыми философами, различающими мелодии этические, практические и энтузиастические и определяющими природу отдельных ладов, соответствующую каждому виду этих мелодий, мы утверждаем, что музыкой следует пользоваться не ради одной цели, а ради нескольких: и ради воспитания (*παιδείας ἕνεκεν*), и ради очищения (*καθάρσεως*) (что мы называем очищением – этого теперь мы объяснять не будем, а в сочинении “О поэтике” скажем об этом яснее); в-третьих, ради времяпрепровождения (*πρὸς διαύωψιν*), т. е. ради успокоения и отдохновения от напряженной деятельности» [1983. С. 641–642]. Кроме того, отдельные инструменты имеют каждый собственную специфику и различное назначение: «...флейта – инструмент, не способный воздействовать на нравственные свойства, а способствующий оргиастическому возбуждению, почему и обращаться к ней надлежит в таких случаях, когда зрелище скорее оказывает на человека очистительное действие (*κάθαρσιν*), нежели способно его чему-либо научить (*μάθησιν*)» [Там же. С. 640].

Итак, из вышесказанного мы можем заключить, что для древнегреческих философов было очевидно, что искусство, а особенно поэзия и музыка способны оказывать на человека сильнейшее воздействие, изменяя его душевный склад. Можем ли мы то же самое сказать о театре? Вероятно, да. Театр, будучи в своей основе религиозным действием, не мог расцениваться древними греками исключительно как место отдыха. Дионисийские празднества, из которых произошел театр, сопровождалась шествием мужчин и женщин в козлиных шкурах, перевоплощающихся в богоодержимых «вакхов» и «вакханок». Поэтому изначально пространство театра предполагало трансформацию участников действия. Насколько это относилось к зрителям? Здесь следует отметить, что древнегреческая театральная публика была намного более чувствительной и отзывчивой, нежели современная.

Достаточно сказать, что многие постановки вызывали искренние слезы и неподдельный ужас. Например, по сообщению Геродота, «Фриних сочинил драму “Взятие Милета”, и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1 000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы» [1972. С. 280]. Колоссальное воздействие театральных постановок несколько не удивительно, если учесть тот факт, что театр объединял в себе поэзию, пение, музыку и танец [Йегер, 2001. С. 295], суммируя потенциал каждого из них.

В то же время для нас важно не просто установить факт изменения душевного склада зрителей, но показать, что в итоге эти изменения формировали общественное мнение, т. е. суждения, касающиеся актуальных социально-политических вопросов. Чтобы показать это, нам прежде всего следует напомнить о том, что древнегреческая трагедия и тем более комедия, черпая сюжеты из мифов, осознают эти сюжеты «целиком из внутренних предпосылок настоящего момента» [Там же. С. 299]. Эсхил написал и поставил одну единственную трагедию по историческому сюжету – «Персов». В кульминационной части трагедии гонец рассказывает матери Ксеркса Атоссе о гибели персидского флота у Саламина. Причины успеха греков гонец объясняет просто: «У них есть люди. Это щит надежнейший» [Эсхил, 1978. С. 63]. Эта фраза и последующие описания подвигов эллинов, конечно, были призваны не только потешить самолюбие, но и сформировать гражданскую добродетель, заключающуюся в осознании того, что полис защищают не стены, а люди. В самом начале статьи мы уже упоминали о трилогии «Орестея», в которой Орест добивается своего оправдания через суд. До этого он обращается к Афине и та отказывается разрешить «нелегкое» дело, передает его в суд, выбрав из граждан достойнейших. Эсхил снимает груз ответственности с богов и перекладывает его на общественный институт, показывая зрителям, что вопросы справедливости находятся в их собственных руках.

Трагедия Софокла «Антигона» также была богатым источником рефлексии относительно вопросов социальной нормы, законности, гражданского и личного долга. Допустимо ли «закон нарушить и царя веленье»? Кто прав? Царь Креонт, который запретил хоронить брата Антигоны за его предательство? Или Антигона, нарушившая царский запрет, влекомая простой сестринской любовью? Вопросы социального плана умножаются в стократ у современника Софокла Еврипида. Его персонажи всерьез рассуждают на сцене об общественном

положении женщин, о природе брака, о мести и возмездии, о справедливости наказания и т. д. Вопросы эти должны были показать, что общепризнанные конвенции уже не действительны, а поле неочевидного все более и более расширяется⁵.

Таким образом, главные древнегреческие трагики обращались со сцены к зрителям по-разному, но неизменным мотивом их обращения было стремление проблематизировать основы общественного и государственного строя, но не в силу нигилистического отрицания и разрушения, а с целью воспитать новые гражданские добродетели и показать, что решение самых важных социально-политических вопросов зависит от каждого гражданина.

Список литературы

Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелева // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–643.

Блаватский В. Д. Античная цивилизация. М.: Наука, 1973. 270 с.

Боэций С. О музыкальном установлении / Пер. Е. В. Герцмана // Герцман Е. В. Музыкальная боэциана. 2-е изд. СПб.: Невская Нота, 2010. С. 314–448.

Васильева Т. В. Поэтика античной философии. М.: Академ. проспект, Трикста, 2008. 735 с.

Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 599 с.

Герцман Е. В. Музыкальная боэциана. 2-е изд. СПб.: Невская Нота, 2010. 504 с.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / Под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 318 с.

Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подг. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. Т. 1. 593 с.

Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия / Пер. с фр. С. В. Кулланды. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 256 с.

Липпман У. Общественное мнение / Пер. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой. М.: Прогресс-Академия, 1996.

⁵ См.: [Санжениаков, Дугарь, 2018].

Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

Платон. Критон / Пер. М. С. Соловьева // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 97–111.

Санженаков А. А., Дугарь К. И. Образ Елены в трагедиях Еврипида // *Hypothekai*. 2018. Вып. 2. С. 86–95.

Тард Г. Общественное мнение и толпа / Пер. с фр.; под ред. П. С. Когана. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 208 с.

Эсхил. Трагедии / Пер. С. Апта. М.: Искусство, 1978. 367 с.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sanzhenakov@gmail.com

ON AN INFLUENCE OF THE ANCIENT THEATER ON PUBLIC OPINION

The paper is devoted to the problem of the appropriateness of using the notion «public opinion» in connection with the Greek society and possibility of the ancient theater to affect on the public opinion. After examination of the notion «public opinion», the author concludes that the structuring elements of public opinion are a common source of information and a common field of communication. In that sense public opinion do not correspond with the Greek notion «opinion of the many». At the same time, the ancient polis had enough public spaces for communication and did not need special media to create a common information field due to the limited territory, and therefore there were all conditions in the ancient polis for the formation of public opinion. The crucial role in this formation was played by the theater, which was a powerful means of influence, along with poetry and music, forcing audience to think about important social and political issues.

Keywords: ancient theater, public opinion, communication, education, Isocrates, Aeschylus, Sophocles, Euripides.

References

Aeschylus. *Tragedii [Tragedies]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1978. (In Russ.).

Aristotle. *Politika* [Politics]. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, p. 375–643. (In Russ.).

Blavatskii V. D. *Antichnaya civilizatsiya* [The Ancient Civilization]. Moscow, Nauka, 1973. (In Russ.)

Boethius. O muzykal'nom ustanovlenii [The principles of music]. Gertsman E. V. *Muzykal'naya boetsiana* [Musical Boethian]. St. Petersburg, Nevskaya Nota Publ., 2010, p. 314–448. (In Russ.).

Coulet C. *SMI v Drevnej Grecii: sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya* [The Media in Ancient Greece: Essays, Speeches, Inquiries, Travels]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (In Russ.).

Gertsman E. V. *Muzykal'naya boetsiana* [Musical Boethian]. St. Petersburg, Nevskaya Nota Publ., 2010. (In Russ.)

Herodotus. *Istoriya* [Histories]. Leningrad, Nauka, 1972. (In Russ.).

Isocrates. *Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi* [Orations. Letters. Minor Attic Orators. Orations]. Moscow, Lodomir Publ., 2013. (In Russ.).

Jäger W. *Paideiya. Vospitanie antichnogo greka* [Paideiya: The Education of Greek]. Moscow, «Greko-latinskii kabinet» Yu. A. Shichalina Publ., 2001, vol. 1. (In Russ.)

Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut fonda «Obschestvennoe mnenie» Publ., 2004. (In Russ.).

Noelle-Neumann E. *Obschestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1996. (In Russ.).

Plato. Gosudarstvo [Republic]. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [Selected Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3, p. 79–420. (In Russ.).

Plato. Kriton [Crito]. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [Selected Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, p. 97–111. (In Russ.).

Sanzhenakov A. A., Dugar K. I. *Obraz Eleny v tragediyakh Evripida* [The Character of Helen in the Tragedies of Euripides]. *Hypothekai*, 2018, vol. 2, p. 86–95. (In Russ.).

Tarde G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [L'Opinion et la Foule]. Moscow, LENAND Publ., 2015. (In Russ.).

Vasil'eva T. V. *Poetika antichnoi filosofii* [The Poetics of Ancient Philosophy]. Moscow, Akademicheskii prospekt and Trikssta Publ., 2008. (In Russ.).

Zaitsev A. I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII–V vv. do n. e.* [Cultural Revolution in Ancient Greece in the 8th–5th Centuries B. C.]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2001. (In Russ.).